

А. Л. ЧИБИРОВ

(ЦСАИ ВНЦ РАН, Владикавказ)

ВЕХА

К 50-летию Всесоюзной научной сессии по этногенезу осетинского народа

Проблема этногенеза того или иного народа – одна из сложнейших в исторической науке. Что касается происхождения осетин, предки которых, к тому же не оставили письменных свидетельств своей истории, то особую сложность при определении его генезиса вызывал язык, иранский по своему звучанию, что разительно отличало его от языков соседей осетин по Кавказу – представителей кавказской и тюркской языковых семейств. Именно языковое отличие и вызвало первичный интерес исследователей к осетинам как этносу.

Впервые в научной литературе мнение о генетической связи осетин с аланами было озвучено Герхардом Фридрихом Миллером, русским историком, профессором и членом Санкт-Петербургской Академии наук. В своей работе «О народах, издревле в России обитавших», изданной в 1773 г., он высказал мнение о родстве осетин с раннесредневековым аланским племенем ассы. Рассказывая о том, что «Алане были Готский народ», он далее продолжает: «Карпини и Рубрук в тринадцатом веке упоминают об аланах, коих они при путешествии своем находили. Первый равняет их с черкасами, и дает им прозвание Ассы, которое, кажется в сродстве с нынешними Оссегами» [1]. К началу же XIX в. в исторической науке превалировало мнение, высказанное Я. Потоцким и Ю. Клапротом, затем развитое вначале А. Шёгренем, затем окончательно сформулированное В. Ф. Миллером, согласно которому осетины являются прямыми потомками северокавказских алан. Эта теория впоследствии стала доминирующей. Со временем ее поддерживали многие российские, советские и западные ученые. Тем не менее, в научном сообществе конечно же оставались специалисты, которые были не согласны с общепринятым мнением. Часть ученых придерживалась иных версий, и разброс этих мнений был весьма существенным. Для того, чтобы прийти к консенсусу в этом вопросе, в октябре 1966 г. была созвана специальная научная сессия по этногенезу осетинского народа. Организаторами

Групповой портрет участников сессии

ее выступили дирекции Северо-Осетинского научно-исследовательского института в лице директора Чеджемова Х. С. и Юго-Осетинского научно-исследовательского института, представленного его руководителем Габараевым С. Ш. Сессия была всесоюзной. В силу политических особенностей того времени иностранные ученые конечно же не принимали участие в этом мероприятии, но зато был приглашен максимально широкий круг ученых-специалистов из Москвы, Ленинграда, Тбилиси Ростова, Одессы, Ставрополя, Нальчика, Махачкалы, Черкесска, Элисты, Кишинева, Сухума. Обращал на себя внимание не только географический охват участников конференции, но и высокий уровень приглашенных специалистов. Такие направления смежных наук как языкознание, археология, этнография, антропология, антиковедение, фольклор, топонимика, нумизматика, специализация по античной и средневековой истории, были представлены на сессии В. И. Абаевым, Е. И. Крупновым, В. П. Алексеевым, Ш. Д. Иналипа, Г. Ф. Турчаниновым, М. П. Абрамовой и т.д. Сессия продолжалась три дня с 6 по 8 октября и вызвала большой интерес как научно-творческой интеллигенции и общественности обеих частей Осетии, так и СССР в целом. Специфика ее работы заключалась в политике «открытых дверей». То есть двери проводимого мероприятия были открыты для всех, кого интересовала обсуждаемая проблема. Конечно же зал, в котором проводилось мероприятие, все три дня был забит до отказа. Народ стоял в проходах, стараясь уловить каждое сказанное слово. Такой порядок ведения сессии был по душе не всем гостям, однако открыто выразил протест против этого в своем заключительном слове только Евгений Игнатьевич Крупнов. Он высказал пожелание, чтобы на будущее сессии такого рода организовывались так, чтобы обсуждение чисто научных вопросов «велось на высоком научном уровне в кругу специалистов, без парадности, без никому не нужных аплодисментов на строго научной основе» [2].

На сессии было заслушано семь докладов, десять содокладов, а количество выступавших в прениях перевалило за тринадцать человек. Итоги сессии были подведены в заключительных словах В. И. Абаева и Е. И. Крупнова. Была принята и соответствующая резолюция сессии.

Собравшиеся на сессию ученые из разных республик и регионов СССР придерживались различных взглядов на обсуждаемую проблему, часто расходившихся диаметрально. По мнению одних, в этногенезе осетин доминировал иранский элемент, другие отдавали предпочтение кавказскому, а третьи не отдавали предпочтение ни одному из вышеназванных версий, придерживаясь иных взглядов на проблематику. Попробуем ниже кратко представить весь спектр позиций участников сессии.

На пленарном заседании, в своем докладе «Этногенез осетин по данным письменных источников», Ю. С. Гаглойти, в то время кандидат исторических наук, сотрудник ЮОНИИ, сформулировал основную мысль своего выступления следующим образом: «Этногенез осетин – это прежде всего результат длительного, внутреннего развития скифо-сармато-аланских племен Северного Кавказа», чем подчеркнул доминирующую и решающую роль скифо-сарматского элемента в становлении осетинского этноса. Таким образом Юрий Сергеевич акцентировал внимание на решающей роли скифов, сарматов и алан в этногенезе осетин и сводил на нет участие в этом процессе местных племен. Позицию Гаглойти в определенной степени поддержал лишь выступивший с содокладом «К проблеме субстрата» языковед К. Е. Гагкаев. Он тоже по существу отрицал роль местного элемента в формировании осетин, доказывал иранские корни происхождения самоназвания осетин «ир», а также предложил новую трактовку научного термина субстрат (по-русски – подоснова). По мнению Гагкаева под субстратом следует понимать «следы воздействия прежнего языка и культуры

Выступает Ю. С. Гаглойти. Президиум (справа налево): А. К. Джанаев, Х. С. Черджиев, А. И. Робакидзе, директор ЮОНИИ С. Ш. Габареев, В. К. Гарданов

местного населения, усвоившего, в силу определенных исторических причин, новый язык и новую культуру» [2,200].

Однако участники сессии не разделили основные постулаты выступлений Ю. С. Гаглойти и К. Е. Гагкаева. Известный археолог Виталий Борисович Виноградов в своем содокладе «Античные источники и данные археологии скифо-сарматского времени в Центральном Предкавказье в свете проблемы этногенеза осетин», высказал «большое сомнение по поводу трактовки скифо-сарматской эпохи в Центральном Предкавказье, как времени активного внедрения иранцев в среду горных автохтонных племен и ассимиляции первыми вторых» [2,185]. Ученый признавал более значительным роль кавказского субстрата в этногенезе осетин, считал, что ираноязычные аланы проникли в горы и большими массами расселились среди аборигенных племен после IV века в связи с нашествием гуннов и последующими за этой катастрофой событиями. По существу в этом ключе высказалась и М. П. Абрамова, по мнению которой, нет данных подтверждающих массовую иранизацию населения центральных районов Северного Кавказа в скифо-сарматское время. В крайнем случае, иранизация центральных районов Северного Кавказа не носила массового характера. Массовое проникновение иранцев в эти области, по ее мнению, произошло лишь с IV-V вв. т. е. в аланское время. В своем выступлении профессор З. В. Анчабадзе еще больше приблизил к современности время формирования осетинского народа. Он отметил: «В конце XIV в., сыгравшем большую роль в истории народов Северного Кавказа, произошли большие этнические изменения, и с этого времени мы начинаем новый этап этнического развития осетинского народа, который привел к современному формированию осетинского народа» [2,309]. Одним словом, научная позиция Ю. С. Гаглойти не стала на сессии предметом широкого обсуждения

Большой интерес вызвал доклад археолога Е. И. Крупнова «Проблема происхождения осетин по археологическим данным». Докладчик, хотя и признавал участие скифо-алан в этногенезе осетин, тем не менее считал, что «ведущее место в этногенезе осетин следует отвести кавказской аборигенной общественной среде» [2,41], назвал осетин истыми кавказцами по происхождению, внешнему облику и культуре и иранцами по языку. Тезис Крупнова о доминирующей роли местных кавказских племен разделяли его коллеги археологи В. Б. Виноградов и И. М. Чеченов, а также антрополог В. П. Алексеев. Однако и у этой научной позиции появились оппоненты (М. С. Тотоев, Кибизов). В. И. Абаев же отреагировал на эту позицию с сарказмом, заметив: «Получается, ираноязычные племена появились на Кавказе для того, чтобы преподавать аборигенам краткосрочные курсы своего языка».

Е. И. Крупнов и В. И. Абаев

Е. И. Крупнов и В. И. Абаев среди участников сессии

Лейтмотивом доклада археолога-алановеда В. А. Кузнецова «Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии» являлась следующая мысль: «Основное этническое ядро осетин сформировалось в результате длительного включения ираноязычных племен в кавказскую этническую среду и связанных с этим этнических контактов и взаимодействий». Далее он отметил: «Признавая значение кавказского этнического слоя, составившего субстратную основу формирования осетин в лице носителей позднекобанской культуры, мы признаем и подтверждаем ту безусловно важную роль, которую сыграли в этом процессе ираноязычные сармато-аланы» [2,66].

В другом пленарном докладе: «Данные этнографии и фольклора в этногенезе осетин» известный осетиновед Б. А. Калоев признал оба компонента (кавказский и иранский) важными, и ни одному из них не отдавал предпочтение, так как оба компонента считал равнозначными.

Представитель Карачаево-Черкесии К. Т. Лайпанов выступил на сессии с содокладом: «О тюркском элементе в этногенезе осетин». Утверждая, что контакты современных осетин и тюркоязычных карачаевцев и балкарцев уходят вглубь веков, К. Лайпанов допускал, что эти связи могли начаться еще в скифский период, а в аланское время уже привели к установлению более тесных связей; аланы как суперстат, сыграли определенную роль в этногенезе карачаевцев и балкарцев. Между тем, развивая это положение К. Лайпанов стал необоснованно утверждать, что некоторая часть алан была тюркоязычна, иллюстрируя сказанное попыткой прочтения Зеленчукской надписи на тюркском языке. Отмечу, что это было первое официальное публичное заявление сторонников тюркоязычия алан, однако тогда, к сожалению, никто из участников сессии на него всерьез не отреагировал. Выступил с критикой К. Лайпанова лишь известный эпиграфист Г. Ф. Турчанинов, заявив: «Я должен с полной ответственностью заявить: Зеленчукская надпись всегда была и будет осетинской. Это признано мировой наукой. И те, кто думает ее перечитать то по-тюркски, то по-кабардински оказываются дилетантами в самом худшем понимании этого слова» [2,271]. Между тем, именно с того выступления К. Лайпанова практически и началась волна необоснованных претензий карачаевцев и балкарцев на все аланское наследие.

На сессии выступила целая группа антропологов, из них с докладами на пленарном заседании выступили М. Г. Абдушелишвили («Генезис горнокавказских групп в свете данных антропологов») и В. П. Алексеева («Антропологические данные о происхождение осетинского народа»). Их основная идея, поддержанная также содокладчиками Л. П. Шарашидзе и Э. Н. Джавахишвили, сводилась к следующему: а) на территории Кавказа

существовал единый горнокавказский тип-кавказионский; б) североиранский элемент не играл никакой роли в этногенезе осетин. Позиция, которой они придерживались, сводилась к следующему: если антропологический тип осетин и других кавказских аборигенов идентичен, то осетины такие же коренные кавказцы как и соседние народы.

Между тем большинство участников сессии не разделило согласованную позицию антропологов, а В. И. Абаев в своем заключительном слове подверг ее нелицеприятной критике: «Оказывается, говорил он, антропологический материал никак не отразил бесспорных, хорошо известных процессов передвижения, миграции, которые происходили на Северном Кавказе, начиная с древнейших времен и до монгольского нашествия. Приходили и оседали североиранские племена, приходили и оседали тюркские племена, формировались новые народности: осетины, балкарцы, карачаевцы. А по антропологическим данным никто ниоткуда не приходил. Все оставались на месте, все были «кавказионцами» и только время от времени меняли язык. Зачем они меняли язык, остается неясным» [2, 314]. Разумеется, данные антропологии в этногенетических вопросах следует принимать во внимание. Однако, отдавать им предпочтение перед лингвистическими, археологическими и другими свидетельствами, ставить их во главу угла доказательной базы представляется не вполне оправданным.

В нескольких выступлениях на сессии прозвучала мысль о родстве осетин с соседними народами. Этнограф из Чечено-Ингушетии И. М. Саидов, на основе анализа одной вайнахской легенды, доказывал что осетины и вайнахи – близкородственные народы. Однако, для такого этногенетического вывода, вряд ли достаточен сюжет одной легенды. Глубокую основу абхазо-осетинских культурно-исторических взаимоотношений установил в своем выступлении известный абхазский ученый-этнограф Ш. Д. Иналипа. Основной посыл в сообщении Г. Д. Тогошвили «Леонтий Мровели о происхождении осетин» сводился к следующему: исторически не оправдано связывать этногенез осетин с одними только аланами. Профессор А. И. Робакидзе исходя из общих характерных элементов в материальной культуре горцев Центрального Кавказа, доказывал, что формы культуры и быта одинаково характерны для осетинского и для других народов горного Кавказа. Наряду с другими проблемными вопросами, языковед Т. А. Гуриев в своем сообщении сосредоточил внимание на фактах проникновения монгольских элементов в осетинский язык.

Между тем главной интригой сессии стали доклад В. И. Абаева «Этногенез осетин по данным языка» и его же заключительное слово. В докладе были подвергнуты критике ученые, которые обезличивали алан как народность, умаляли их роль, сводили к нулю роль скифо-сарматского эле-

мента в формировании осетин. В частности В. И. Абаев подверг критике взгляды Е. И. Крупнова и В. А. Кузнецова, ставивших под сомнение этническую индивидуальность алан, утверждавших, что аланы являются не этническим термином, а собирательным названием и, стало быть, тезис о происхождении осетин от алан лишен всякого смысла. Позицию В. И. Абаева поддержал в своем заключительном слове и антрополог В. П. Алексеев. Он говорил: «отрицать собирательное значение термина «алан», которое имело место в ряде случаев, отнюдь не приходится. Но это не означало, что в средневековой Алании не было алан как таковых – ираноязычных алан, собственно алан». И Валерий Павлович подкрепляет свое мнение характерным примером: «За границей часто представителей всех народов нашей страны называют «русские», но ведь это не значит, что в СССР нет русского народа как такового» [2, 256].

В. И. Абаев

Каковы же были основные итоги сессии? Перед созывом сессии предполагалось, что ее основной интригой будет полемика вокруг мнений В. И. Абаева и Е. И. Крупнова, которые до этого обменялись рядом критических замечаний в адрес друг друга. Оба специалиста занимали противоположные позиции по обсуждаемому вопросу. Однако размолвки не произошло. Как примечательный факт следует подчеркнуть следующее: в результате трехдневных дебатов произошло сближение позиций практически всех сторон и последующий за этим вывод о двуприродности осетинского этногенеза, к которому пришли участники сессии. В. И. Абаева озвучил это в следующей редакции: «В осетинском этногенезе участвовали с одной стороны, кавказские элементы, которые выступали как субстрат, с другой – сармато-аланские, которые наложились сверху и определили не только язык, но и многие черты материальной и духовной культуры». Крупнов же фактически остался при своем мнении.

Мнение о двуприродности осетин нашло отражение и в заключительной резолюции сессии. Она была принята подавляющим большинством

участников конгресса Е. И. Крупновым, В. А. Кузнецовым, В. Г. Котовичем, Б. А. Калоевым, Г. Ф. Турчаниновым, А. Дз. Цагаевой, М. С. Тотоевым, Т. Н. Кибизовым. В частности лингвист Н. К. Кулаев считал большим достижением сессии тот факт, что в итоговом документе она пришла к заключению о двуприродности осетин. Согласившись с Абаевым в том, что вопрос о субстрате окончательно не изучен, Н. Кулаев, тем не менее, утверждал: «то что изучено дает основание говорить о кавказском субстрате», и проиллюстрировал свое мнение словами кавказского происхождения, вошедшими в осетинский язык: къах (нога), къух (рука), дзых (рот), лӕг (человек, муж), бӕх (лошадь, конь), был (губа) цар (потолок, чердак), цӕдзындз (столб), дур (камень), къӕй (сланец), къӕдзӕх (скала, гора), зӕй (лавина), къардиу (обрыв) и т.д. Кулаев сослался и на работу Б. Х. Балкарова, посвященную адыгским элементам в осетинском языке и на работу Г. С. Ахвледиани, в которой говорилось о грузино-осетинских языковых связях.

В заключительном слове В. И. Абаев подверг критике и тех ученых, которые полностью исключали кавказскую среду как этногенетический фактор в образовании осетинской народности, т.е. сторонников «чистого иранизма», преуменьшавших, а то и полностью исключавших значение кавказского вклада в осетинский язык [2,18-19]. Отстаивая двуприродность этногенеза осетин, В. И. Абаев, вместе с тем подчеркнул, что нынешнее состояние науки не позволяет определить, какой из этих компонентов превалирует. «Нет таких весов – образно продолжал свою мысль великий ученый, – на которых можно было бы взвесить удельное значение различных этнических включений. Может быть со временем, когда теоретическая сторона этногенетических исследований будет лучше разработана, мы получим критерии, чтобы определить удельный вес различных этнических элементов». Да, Абаев сам признавал, что для полной характеристики кавказского субстрата, который бытовал на территории Осетии до прихода скифо-сарматских племен, еще многое не достает (есть только кобанская культура, но нет еще прямых памятников языка и образцов духовной культуры). Он говорил: «Мы имеем пока косвенные доказательства о субстрате, а со временем глаз лингвиста или археологов сможет более конкретно выявить субстрат и дать ему более точную характеристику, чем это мы делаем это сейчас» [2,314].

Этими словами ученый призвал продолжить и углубить исследования по этногенезу осетин с тем, чтобы со временем стало более очевидным, какой из компонентов превалировал. По признанию одного из участников той сессии, ныне здравствующего В. А. Кузнецова «сессия 1966 г. была большим шагом вперед, ибо позволила выработать четкое аргументирован-

Выступает директор СОНИИ Х. С. Черджиев

ное представление об основных концептуальных направлениях в процессе формирования осетинского народа... форум признал верность и действенность концепции «двуприродности» происхождения осетин, твердо отстаиваемой В. И. Абаевым» [2,14].

Следует отметить, что в последующие после сессии полстолетия не появилось никаких серьезных исследований, определяющих кавказский субстрат в этногенезе осетин. Распад СССР помимо всего прочего негативно отразился как на академической науке в целом, так и на исторической в частности. На авансцену начинают выходить популисты от истории, которые в угоду сиюминутным политическим или общественным интересам различных групп населения начинают политизировать историю алан. В конечном итоге исторический материал обрастает абсолютно ненужными эмоциями и откровенными спекуляциями, которые никакого отношения к науке не имеют. В последнее десятилетие научное общество Северного Кавказа заболело некоей формой аланомании. Не вполне понятно, какую цель преследуют ревизионисты от истории, однако подобная тенденция сознательного искажения исторического материала не приводит ни к чему хорошему. История на грани политики как правило превращается в инструмент манипулирования общественным сознанием.

Для разрядки сложившейся напряженности в общественных кругах Осетии, по инициативе Высшего Совета осетин, при поддержке руководства обеих осетинских республик в мае 2013 г. был созван Международный конгресс на тему: «Этногенез и этническая история осетин». Тем самым организаторы мероприятия намеревались обозначить некую преемственность между сессией 1966 года и майским конгрессом 2013 года. В подавляющем большинстве доклады, прозвучавшие на конгрессе отразили достижения науки за сорок семь лет, прошедших после созыва первой сессии. Докладов и сообщений о кавказском субстрате на майском форуме было предоставлено на

порядок меньше, чем посвященным скифо-сармато-аланскому суперстату. По общему мнению участников конгресса 2013 года осетины как народ сформировались на Кавказе, а в его этногенезе решающую роль сыграли скифо-сармато-аланское начало а также и местный субстрат. Конгресс призвал к расширению исследовательской базы по этногенезу осетин, которое, как было отмечено, диктуется и распространением в постперестроечное время заведомо ложных псевдонаучных версии, в корне извращающих историю и культуру осетинского и других народов Кавказа.

Работа конгресса 2013 г. заслуживает отдельного внимания, однако сегодня мы можем провести некоторые параллели в сопоставлении его с сессией 1966 года. К примеру, Всесоюзная сессия в 1966 г. собрала всех возможных специалистов со всего Советского Союза. На форуме же 2013 г. кроме непосредственно осетинских ученых присутствовали только их московские коллеги, а также специалисты из Западной Европы. Первая сессия продолжалась три дня с широким, иногда крайне разнополярным обсуждением и весьма жаркими диспутами. Конгресс 2013 года завершил работу в течение одного дня. Естественно эти факты никак не умаляют значимости конгресса для научной и общественной жизни Осетии.

Всесоюзная сессия 1966 года стала серьезной вехой в изучении этногенеза осетинского народа. С одной стороны она подвела итоги деятельности большого количества русских и зарубежных ученых XVIII– начала XX вв., признав, в основе своей, их выводы верными. С другой стороны она на долгие годы вперед определила основной вектор развития осетиноведения, иллюстрацией чему и стал Международный конгресс 2013 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Г. Ф. Миллер. О народах издревле в России обитавших. Санкт-Петербург 1773 г. С. 15.
2. Происхождение осетинского народа. Северо-Осетинское книжное издательство. Орджоникидзе. 1967 г. С. 319.